

*Посвящается Энни Месситт:
двенадцать книг вместе*

Мужчины боятся, что женщины высмеют их.
Женщины боятся, что мужчины их убьют.

Маргарет Этвуд

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПРИГОТОВИТЬСЯ
К УДАРУ

Сначала она ощутила запах гостиничного шампуня — что-то восточное, с нотками аниса, — потом, открыв глаза, отметила, что свет из окна немного иной, не такой, как в номерах, где обычно останавливается экипаж. Утреннее солнце пробивалось в щель между бархатными (какой шик!) шторами; белая полоса тянулась от пола до потолка и падала на ковер. Она моргнула — не потому, что солнце било в глаза, а потому, что где-то за ними глухо колотилась боль. Хотелось пить. Понадобится цунами, чтобы унять надвигающееся похмелье. Хорошо бы принять адвил, но, похоже, до таблеток, которые она в такие моменты закидывала в себя, как конфетки, добраться будет трудновато. Они в аптечке в ее номере. В другой гостинице.

Это точно не ее отель, значит — его. Неужто вернулась? Похоже на то. Она была уверена, что ушла. Ушла в куда более скромную гостиницу, предоставленную авиакомпанией. По крайней мере, так планировалось. В конце концов, ей сегодня утром в рейс.

Она перевернулась на спину. Мозг осторожно нащупывал вопросы, самым важным и самым привычным из которых был: сколько времени? Часов не видно — похоже, стоят по другую сторону кровати. На прикроватной тумбочке с ее стороны — телефон и фарфоровый поднос с финиками, песочным

печеньем и тремя идеальными кубиками рахат-лукума, в каждый из которых воткнута серебряная шпажка размером с зубочистку.

Сколько времени? В 11:15 нужно быть в вестибюле гостиницы — своей гостиницы — вместе с экипажем, откуда микроавтобус повезет их в аэропорт. Рейс до Парижа. Об остальном она подумает позже. В частности, как найти в себе силы спустить ноги с кровати и сесть — задача, которая, судя по всему, потребует храбрости, достойной олимпийского гимнаста.

Она медленно и глубоко вдохнула через нос, издав тихий свист, и на сей раз ощутила запах, более отчетливый, чем аромат аниса, — запах секса. Да, номер, без сомнения, благоухал дорогим шампунем, но она чувствовала, что от нее — и от него — исходит оставшийся с прошлой ночи запах телесных выделений. Он тихонько спал рядом. Она увидит его, когда повернется. Когда сядет на кровати.

Господи, надо было отвести его к себе. Но за ужином он протянул ей ключ от своего номера, сообщил, что вернется к девяти, и попросил подождать. Что она и сделала. Она оказалась в люксе, огромном — больше ее квартирке на Манхэттене — и безупречно обставленном. В гостиной стоял кофейный столик, инкрустированный перламутром, отполированные деревянные поверхности отражали свет, словно полная луна. В баре обнаружилась бутылка скотча — в настоящем баре, а не в мини-баре и не в холодильнике из общежития, на единственной полке которого стоит пара банок диетической колы. Все это наверняка стоило не меньше месячного содержания ее нью-йоркской квартиры.

Она снова закрыла глаза — на сей раз от стыда и отвращения. Она напонила себе, что это в ее

стиле — да-да, она именно такая, — попытавшись хоть немного сбить накал овладевшего ею презрения к себе. Ведь она отлично развлекалась прошлой ночью? Ну конечно! Скорее всего.

Проснувшись, она с надеждой предположила, что напилась до отключки, но теперь поняла, что напилась она до потери памяти. Опять. Различие между этими двумя знакомыми ей состояниями крылось не только в терминах. Напиться до отключки унизительно в процессе — женщина лежит, уткнувшись лицом в диванные подушки, и не в курсе, что вечеринка продолжается. Стыд за пьянку до потери памяти накатывает поутру, когда просыпаешься рядом с незнакомым мужиком, понятия не имея, как попала в его постель. Она вспомнила номер отеля и его постояльца — уже хорошо, — но в памяти зияли бездонные провалы. Последнее воспоминание — она уходит. Перед мысленным взором мелькают картинки: вот она одевается и покидает люкс. А постоялец в потрясающем гостиничном халате — гладком черно-белом, как зебра, снаружи, махровом с изнанки — шутит по поводу разбитой бутылки «Столичной», которую надо убрать. Бормочет, что разберется с лужей водки и острыми, как кинжалы, осколками утром.

И все-таки она здесь. Снова в его постели.

Она вздохнула — медленно, осторожно, стараясь не усугублять надвигающуюся боль. Наконец приподняла голову и ощутила прилив тошноты, комната закружилась перед глазами. Она немедленно уронила голову, и пышная пуховая подушка нежно ее приняла.

Они познакомились в самолете. Ей понравился запах его одеколона с древесными нотками. Он представился русским и сообщил, что любит русских. Да, он американец, парнишка с юга, но его

предки из России, и у него русская душа. Пушкин. «Евгений Онегин». Какие-то «плоды сердечной пустоты». Русские вливают деньги в его хедж-фонд, объяснил он с лучезарной улыбкой — именно лучезарной, а не самодовольной. Так по-детски. Безумные олигархи для него — добрые дядюшки. Плюшевые мишки в его руках, а не бурые медведи.

Сейчас одеколоном не пахло. Она вспомнила, как принимала душ вместе с постояльцем номера. В огромной изысканной ванной, выложенной мрамором в черно-белую полоску. Таким же мрамором была облицована скамейка, на которую он сел и усадил гостью себе на колени, пока мыл ей голову тем самым шампунем с анисом.

Его звали Александр Соколов, и, как она предположила, ему было немного за тридцать — на семь-восемь лет младше ее. Он предпочитал, чтобы к нему обращались Алекс, потому что Ал, как он пояснил, звучит слишком по-американски. В совершенном мире, признался он, его бы называли Александром, потому что так его имя звучит по-русски. Но когда он начал работать, босс предложил ему остановиться на имени Алекс — намеренно нейтральном, что было важно, учитывая, как много поездок по миру предполагала его работа. Вырос он в Виргинии — хотя в его речи не слышалось и намека на южный акцент, — а сейчас жил на Манхэттене, в Верхнем Вест-Сайде, и руководил фондом в компании «Юнисфер ассет менеджмент». Он хорошо знал и любил математику, что и стало секретом его успеха: его фонд обеспечивал громадные прибыли, приводившие в восторг клиентов по обе стороны Атлантики. Было очевидно, что он обожает свою работу. Впрочем, он уверял, будто нет ничего скучнее, чем управлять чу-

жими деньгами, и с радостью слушал свою собеседницу. Ее рассказы и байки о трудовых буднях совершенно его заворожили.

Во время перелета в Дубай пассажир с места 2С спал мало, если вообще спал. Он работал на ноутбуке, смотрел фильмы и флиртовал с ней. Он успел узнать о ней больше, чем она о нем. Перед посадкой они договорились, что сначала немного отдохнут, а потом вместе поужинают. Условились встретиться в вестибюле отеля. Оба знали, что ужин — не более чем прелюдия.

Она еще раз прокрутила в голове его имя, прежде чем пошевелиться и встретить волну боли, осененную белыми «барашками». Повернувшись лицом к лежащему рядом мужчине. Она прикинула, сколько арака выпила накануне. Крепчайшего арака. Прозрачный напиток стал будто молочным, когда они положили в него лед. А потом была еще «Столичная», которую чуть позже принесла его знакомая. Кэсси пила арак и раньше — всегда во время командировок в Бейрут, Стамбул или Дубай. Но пила ли она раньше так много? Она уверяла себя, что нет, но кого она пыталась обмануть? Пила. Конечно, пила. В один прекрасный день ее вышвырнут из авиакомпании. В один прекрасный день она подлетит слишком близко к солнцу и провалит тест на алкоголь, и это станет началом конца. Конца всему. Она ступит на путь, проложенный ее отцом, а куда ведет этот путь — известно.

Впрочем, нет, это другой путь, потому что отец был мужчиной, а она женщина. По правде говоря, алкоголики обоих полов редко приходят к счастливому финалу, но женщину могут изнасиловать.

Она вздохнула. Какая жалость, что у авиакомпании нет рейсов в Эр-Рияд. Саудийцы вообще не

держат алкоголь в гостиничных мини-барах. В Саудовской Аравии ей пришлось бы носить длинное платье-абайя. Она ни за что не смогла бы ходить по улицам одна, ни за что не подцепила бы мужика и не встретилась бы с ним в вестибюле его отеля. Ни за что.

Она подумала, что сейчас все было бы нормально, если бы Алекс не ответил на звонок своей знакомой и не предложил одеться. Ее вроде звали Миранда. Кэсси уже понимала, что упиалась все-таки не до потери памяти, хотя голова была как в тумане. Так вот, эта Миранда позвонила как раз в тот момент, когда они вышли из ванной — чистые, удовлетворенные, еще навеселе, — и сказала, что заскочит к Алексу, чтобы накатить чего-нибудь перед сном. Кажется, она тоже была связана с этим хедж-фондом и собиралась вместе с Алексом идти на какие-то встречи. Еще она имела некое отношение к недвижимости в Дубае, но Кэсси понятия не имела, с чего это взяла.

Когда Миранда зашла в номер, стало понятно, что с Алексом они знакомы не очень хорошо и тем вечером встретились впервые. И все же что-то их объединяло, помимо работы. Видимо, общие друзья и связи в строительстве, а в этом приморском городе, словно сошедшем со страниц научно-фантастического романа, что-то строили на каждом пяточке. У госты, ровесницы Алекса, были темные миндалевидные глаза и каштановые волосы, уложенные на затылке в безупречный французский пучок. Одета она была в широкие черные брюки и скромную, но элегантную красно-черную блузку. Ну и конечно, черт бы ее побрал, принять на грудь она умела. Вместе они просидели в роскошной гостиной примерно час, может, чуть дольше и вылака-

ли водку, принесенную Мирандой. Кэсси приходило в голову, что, возможно, намечается секс втроем. Сама она не собиралась его предлагать, но наверняка не отказалась бы, если бы предложили Алекс или Миранда. По какой-то причине — из-за бухла, болтовни, окружающей роскоши? — Кэсси снова ощутила прилив желания. Алекс и Миранда сидели в креслах по обе стороны изящного кофейного столика, а Кэсси — одна на диване. И почему-то тот факт, что они находятся на расстоянии нескольких футов друг от друга, подогрел атмосферу еще сильнее. Но в конце концов выяснилось, что секс втроем не планировался. Миранда ушла, поочередно поцеловав воздух у щек Кэсси и Алекса, хлопнув за ней дверь. Миранда наверняка не успела дойти до лифта, а Алекс уже стащил с Кэсси одежду, разделся сам, и они снова занялись любовью, теперь в спальне на великолепной огромной кровати с изголовьем в форме арабской арки.

Но потом она оделась. Совершенно точно. Она это помнила. Она собиралась ехать в свою гостиницу. Разве она не попрощалась с Алексом, стоя у дверей люкса? Разве не дошла хотя бы до лифта — где бы он ни был?

Может быть. А может, и нет.

Какая теперь разница? Уже ясно, что она вернулась в номер и забралась обратно в постель.

Если, конечно, предположить, что она уходила. Может, сейчас она вспоминает, как шла одна из ресторана в номер после ужина? Алекс сказал, что быстро встретится с инвестором, а она пусть идет в номер, раздевается и ждет его. Она подчинилась.

И вот она здесь, снова голая.

Наконец она сделала глубокий вдох, скривилась от боли, кольнувшей глаза, и повернулась к Алек-

су. Вот и он. На долю секунды мозг Кэсси зарегистрировал лишь одно: что-то не так. Может, дело было в абсолютной неподвижности его тела, может, в исходившем от него змеином холоде. А потом она увидела кровь. Огромное алое пятно на подушке и глянцевою, еще не успевшую впитаться, лужицу на безупречно белых простынях. Он лежал на спине. Поперек его шеи зиял красный разрез. Видимо, кровь фонтаном выплеснулась на его грудь и подбородок. Она обволакивала черную щетину, словно мед.

Забыв о боли, Кэсси откинула простыню, вскочила с кровати и отступила к бархатным шторам, закрывавшим окно. Она застыла, обхватив себя руками, словно в смирительной рубашке, а потом заметила кровь и на себе. В волосах и на плече. На руках. (Позже, в лифте, Кэсси предположила, что от крика ее удержал лишь инстинкт самосохранения. Учитывая, как пульсировала в голове боль, собственные отчаянные вопли могли ее убить.)

Видела ли она когда-нибудь столько крови? Человеческой — вряд ли. Разве что оленьей — в детстве, в Кентукки. Но не человеческой.

По ту сторону тела у дальнего края кровати виднелись цифровые часы, на которых значилось 9:54. Через час с небольшим Кэсси должна быть в вестибюле другого отеля, готовая к обратному рейсу в Париж, а на следующий день — в Нью-Йорк.

Она скользнула спиной вниз по шторам, присела в позе бейсбольного кетчера, а потом опустилась на пол. Она пыталась сосредоточиться и решить, что делать.

Ход мыслей замедлился, когда она увидела сверкающее созвездие на ковре между изножьем кровати и элегантным шкафчиком со встроенным теле-

визором. Совсем недавно это созвездие было бутылкой водки, которую принесла Миранда. Остались лишь осколки и стеклянные треугольнички, которые можно было даже счесть красивыми, если бы не иззубренный край отбитого горлышка. Осознав, что это может означать, Кэсси почувствовала, как изнутри поднимается тошнота. Она бросилась в ванную, зажав ладонями рот, словно у ее пальцев был хотя бы один мизерный шанс сдержать неподвластный гравитации поток. Она едва успела добежать до унитаза.

Опираясь спиной о биде, Кэсси опустилась на пол лицом к душевой кабине и уставилась на свисавшую с потолка лейку душа. Стены покачивались. Она перебирала в уме все воспоминания о минувшей ночи, но вскоре поняла, что слишком многое остается за пеленой арака, водки и... что там еще они вчера пили? Она пыталась сообразить, что заставило ее взять горлышко от бутылки и перерезать мужчине глотку — словно оленю, которого они с отцом когда-то разделявали. Она же не кабацкая дебоширка. Она в жизни никому не причинила боли — по крайней мере, физической. Правда, о ее пьяных выходках, когда разум затмевали текила или джин, ходили легенды. Теоретически все когда-то происходит впервые, но мысль, что она убила этого парня, не укладывалась в голове. Люди рассказывали, что она вытворяла, будучи под алкоголем, — ее поступки были унижительными, оскорбительными и порой опасными для нее самой. Но не агрессивными.

Прежде всего, решила она, нужно убедиться, что на ручке двери висит табличка «Не беспокоить». Пока она будет разбираться, как ей, черт возьми, поступить, нужно держать горничную подальше от

номера. Кэсси моргнула. Потом еще раз. Поразительно, она протрезвела от одного вида мертвого Алекса Соколова. Головную боль от очередного разрушительного похмелья и сожаления по поводу секса на одну ночь как рукой сняло.

Пару секунд она смотрела на стационарный телефон, стоявший и гостиной, и на кнопку вызова портье. Но не сняла трубку.

Вместо этого она пошла в душ. Смыла кровь с волос, отскоблила с плеча и рук, словно смолу. Она не знала, как именно исполняют смертный приговор в Объединенных Арабских Эмиратах, могла только предполагать, что более цивилизованно, чем в соседней Саудовской Аравии (по телепередачам сложилось смутное впечатление, что среди саудовцев публичное обезглавливание — зрелище чуть менее популярное, чем футбол). В любом случае проверять на своей шкуре не хотелось.

У нее было два варианта: позвонить кому-нибудь после душа или не делать этого. Застрять здесь надолго — очень надолго — или улететь в Париж через пару часов. Два слова звучали эхом в ее голове: очень надолго. Господи боже, она вспомнила несчастную американскую студентку, которая провела много лет в итальянской тюрьме, ожидая суда за убийство, которого, как она клялась, не совершала. Кэсси содрогнулась, представив, что ждет ее здесь, на Ближнем Востоке. Наверняка никто не поверит, будто какой-то человек вошел в номер, перерезал горло Алексу Соколову и не тронул его подружку. А если выбрать первый вариант, то куда сообщить о трупе в постели, в которой спала сама: на ресепшен отеля или в свою авиакомпанию? Или в американское посольство?

Все зависит от того, действительно ли она убила молодого менеджера хедж-фонда. Несмотря на очевидные улики, она почти не сомневалась, что нет. Искренне в это верила.

Конечно, по пьяни, когда набиралась до беспмятства, у нее срывало крышу. На следующее утро ей рассказывали, что она несла. И что вытворяла. Иногда ей рассказывали об этом, когда она возвращалась в бар, где успела до того покуролесить.

«Ты будто рехнулась. Вела себя вызывающе, а потом решила спеть караоке — без музыки, Кэсси, вообще без музыки, там даже не было караоке-центра — и залезла на табурет в углу».

«Полный отпад, ты шлепнулась лицом в пол у дверей женского туалета. И как ты нос-то не сломала?»

«Ты сдирала с себя одежду и уговаривала бармена заняться с тобой голой йогой».

Ей тупо везло, что ее ни разу не поймали пьяной за рулем, что за ней не числилось никаких правонарушений, а значит, она по-прежнему могла летать. Она снова подумала об отце. Наспех вытираясь полотенцем, вспоминала мужчин и ошибки прошлого, снова пересчитывала страны, где спала с незнакомцами и просыпалась с больной головой в чужой постели. И сейчас вряд ли кто-то из членов экипажа отметил тот факт, что Кэсси провела ночь в другой гостинице. Одни были едва с ней знакомы, другие встречали гуляк вроде нее. Может, она и вела себя порой безбашенно, но в этом не было ничего необычного.

Если не Кэсси перерезала глотку мужчине, который накануне нежно мыл ей голову в душе, значит следовало бы поблагодарить того, кто это сделал, что не убил и ее заодно. Такой поступок пред-

полагал или уважение к человеческой жизни, или желание избежать случайных жертв, что противоречило жестокости, с какой он (или она, или они) убил ее вчерашнего любовника. А значит, ее могли намеренно подставить. Кто-то — возможно, та самая женщина, заглянувшая в номер выпить, — хотел повесить преступление на Кэсси. Две мысли мелькнули в голове, и она не знала, что это: нетипичное для нее здравомыслие или приступ паранойи. Первая: она не убивала Соколова, тем не менее горлышко разбитой бутылки наверняка усеяно отпечатками ее пальцев. Вторая: что, если не арак так основательно ее вырубил? Что, если ее накачали наркотиками? Их обоих накачали наркотиками. Что, если дело в принесенной Мирандой водке? По словам женщины, она притащила бутылку потому, что не знала, водится ли алкоголь в мини-барах «Роял финишиан» — в каких-то отелях Дубая он есть, в каких-то нет. Это мог быть простой подарок. А мог быть не простой.

Никто из ее знакомых не подозревал, что она сейчас в номере 511 отеля «Роял финишиан». Эта мысль ее немного успокоила. Конечно, Меган и Шейн — коллеги-бортпроводники — видели, как она флиртует с «2С», но она не рассказывала, что собирается с ним встретиться. Они с Алексом постарались обсудить место и время встречи незаметно. Он не спрашивал номер телефона, а значит, ее нет в списке его контактов.

Остается только Миранда.

А вот ей известно многое. Она знает, что Кэсси бортпроводница. Знает ее имя, пусть и без фамилии. А еще именно Миранда, скорее всего, позвонит в отель, когда Алекс не придет на эту их встречу и не ответит на звонки.

В конце концов Кэсси решилась. Всякое бывало по пьяной лавочке, но глотки она никому не резала. По крайней мере, ей так казалось. Она не заглотила приманку и не позвонит на ресепшен. Она удерет из Дубая и с Аравийского полуострова как можно дальше, а уж потом будет разбираться с Мирандой, ее разоблачениями и собственным чувством вины. Потом, когда вернется в Штаты.

Итак, она положила кусок мыла и мочалку, которыми пользовалась, в свою сумочку. Она бы и полотенце прихватила, но подумала, что ее ДНК и так размазана по всей постели. И все-таки, одевшись, она взяла вторую мочалку и протерла все, к чему, как ей помнилось, она прикасалась в спальне, ванной и гостиной в надежде уничтожить отпечатки своих пальцев. Стаканы, мини-бар, бутылки — гору пустых бутылок. Пульт от телевизора. Дальше, поскольку в ее туманных воспоминаниях о прошлой ночи зияли огромные дыры, она пробежалась мочалкой по всем предметам, к которым могла прикасаться хотя бы теоретически. По ручкам дверей и шкафов, вешалкам, изножью кровати. И по красивой арке в изголовье.

Покончив с этим, она собрала все осколки, которые нашла. Мгновение Кэсси задумчиво разглядывала иззубренный край бутылочного горлышка. Могла эта штука разрезать шею Алекса Соколова с точностью хирургического скальпеля? Да кто ж ее знает? Горлышко Кэсси тоже забрала, завернув в полотенце.

Она раздвинула шторы и моргнула от яркого солнечного света и блеска воды в нескольких кварталах впереди. Номер располагался всего лишь на пятом этаже, но первый был просторным и высоким, как зал казино, и поэтому из окон открывался прекрасный вид на лазурное море.

Кэсси наказала себе поговорить с адвокатом, как только целой и невредимой вернется домой. Если вообще вернется. Так, все по порядку. Сейчас самое главное — добраться до своей гостиницы, придумать, что соврать про вчерашнее свидание на случай, если кто-нибудь спросит, и спуститься в вестибюль в 11:15. И когда самолет оторвется от земли, можно будет перевести дух. Нет, в глубине души она понимала, что даже тогда вряд ли расслабится. По крайней мере, полностью. Ни одна ее адская пьяная выходка не шла ни в какое сравнение с сегодняшней — она бросила на произвол судьбы тело человека, истекшего кровью в постели рядом с ней.

И к огромной своей досаде, все это она провернула на трезвую голову.

Табличку «Не беспокоить» на элегантном золотистом шнуре она оставила на дверной ручке: пусть труп Алекса обнаружат как можно позже. Постояла немного, пытаясь вспомнить, где тут, к чертям собачьим, лифт. Отель был огромным, его коридоры, казалось, змеились во всех направлениях. Наконец Кэсси сдвинулась с места, быстро прошла по пустым коридорам и через некоторое время отыскала двери лифтов. Кабинка добиралась до пятого этажа целую вечность, но Кэсси убеждала себя, что просто время тянется медленно — она ведь нервничает. Нет, не нервничает, она в ужасе! Она пыталась успокоить себя мыслью, что все еще может сообщить о случившемся на ресепшен и объяснить — убедительно объяснить, — что она ни в чем не виновата. Ведь пока она не сделала ничего, что нельзя было бы исправить. Просто вошла в лифт (он тоже оказался пуст — доброе предзнаменование). Но вот она уже идет по роскошному вестибю-

лю с пальмами, восточными коврами и пышными балдахинами в мавританском стиле (а еще видеокамерами, конечно). Ее лицо скрыто солнцезащитными очками и шарфом, который она купила вчера в аэропорту Дубая. Она проходит мимо торгового ряда внутри отеля. Вот магазин, где продают туфли от Кристиана Лубутена. А в этом торгуют только платками «Эрмес». Дальше довольно элегантный бутик с предметами искусства и безделушками. Сквозь клубы тумана пробилось воспоминание, что вчера она зашла во все три магазина. После ужина, по пути в номер. Когда ждала Алекса, у которого была встреча. В одном из магазинов ей запомнился шарф с леопардовым принтом — сияющие завихрения черных и желтых пятен, отделка из золотых бусин по краям. Она мечтала о таком, но не могла себе позволить.

Кэсси пошла быстрее, не рискуя ни с кем встречаться взглядом; миновала консьержа, носильщика и зазывал, предлагающих чай. И вот она окунулась в обжигающий жар пустыни. Прошла по аллее фонтанов, окружающих два одинаковых зеркально расположенных бассейна. Чуть было не села в такси, но вовремя остановилась. Похоже, она сделала свой выбор, так зачем множить свидетельства того, что она вообще побывала в этом отеле? Вышла на улицу — уходи. С каждым шагом решение вернуться представлялось ей все более сложным — если вообще достижимым. Каждый шаг уводил ее от предполагаемой невинности к возможному приговору. Сейчас она сама подкрепляет показания, которые даст против нее Миранда.

Кэсси взглянула на часы. До гостиницы минут десять пешком, значит останется еще минут пятнадцать, чтобы переодеться в форму и спуститься

БОРТПРОВОДНИЦА

в лобби. Может, даже двадцать, без нее все равно не уедут. Она начала было набирать сообщение Меган, что вот-вот будет, но остановилась. Сообщения — это зацепки. На мгновение она утешилась тем, что Меган сама ничего не написала. Но потом ее пришибло откровением: она так возмутительно часто исчезала из виду в заграничных поездках, даже здесь, на Ближнем Востоке, что Меган, с которой они многие годы чаще всего летали вместе, кажется, совсем не волновалась из-за ее отсутствия.

Господи, Кэсси, какая же ты балда! Полная кретинка.

И все же она стремительно двигалась вперед, потому что, подобно самолетам, которым отдала огромную часть своей жизни, только так и могла выжить. Думай как преступник.

Она повернула направо на широкую дугу подъездной дороги отеля, затем бросила последний взгляд на пальмы, фонтаны, длинный ряд лимузинов с пуленепробиваемыми стеклами и двинулась в сторону гораздо менее роскошной гостиницы авиакомпании.

Кэсси вздохнула. Она сделала свой выбор, в сотый раз приняла неправильное решение. И пути назад нет.